

10). Интересны приведенные в книге факты постепенного превращения некоторых чисто производственных навыков в национальную традицию. Особенно в этом отношении характерен быт сплащиков: умение перебегать по плывущим по воде бревнам, стоя глыть на одном бревне и т. п. Производственные навыки, ставшие национальной традицией, оказывают влияние и на выбор профессии.

В специальной главе освещается деятельность различных общественных учреждений, с помощью которых удовлетворяются материально-бытовые нужды населения (медицинское, коммунальное и другие виды бытового обслуживания). При этом исследователями взят правильный аспект. «И больницы, и детские учреждения, и магазины, и общежития,— читаем в этой главе,— явления общесоветские, универсальные, и сами по себе они лишены какого-либо этнического колорита; для этнографа они интересны с точки зрения их воздействия на повседневный быт народа.... Через них, как по каналам связи, находят себе дорогу.... общесоветские городские элементы культуры и бытовые навыки, которые вытесняют многие традиционные культурно-бытовые формы» (стр. 10—11). Анализ работы общесоветских учреждений под таким углом зрения даст авторам возможность сделать ряд интересных наблюдений, например, о влиянии детского сада и яслей на семейный быт, столовой — на домашнюю кухню и т. п.

Большой раздел в книге отведен семье и семейному быту. Национально-смешанные браки, и прежде имевшие место в Карелии, теперь стали широко распространенным явлением. Авторами прослеживается смешение и взаимовлияние различных национальных традиций в семейном быту. Показаны также процессы, которые происходят в семье в результате превращения бывших крестьян в кадровых рабочих — возникновение нового внутрисемейного уклада, новых взаимоотношений между членами семьи. В главе анализируются семейные бюджеты, учтены как уровень заработной платы, так и состав семей. Авторы останавливаются и на семейных праздниках и обрядах. Особенно подробно и интересно описана современная свадьба, в которой наряду с новыми чертами сохранились некоторые элементы традиционной свадебной обрядности.

В разделе, посвященном материальной культуре, авторы не только показывают замену старого новым, национального — общесоветским, но и в самом новом находят местные и национальные особенности. Их опыт еще раз подтверждает, что там, где утрачены традиционные формы материальной культуры (чаще всего в связи с переселениями), предметом этнографического изучения могут быть общесоветские формы жилища, одежды, пища, которые в разных районах или у людей разных национальностей имеют свою специфику.

В главе «Духовная культура» исследуются такие вопросы, как круг чтения, влияние кино и радио, работа клуба, бытующие песни. Большое внимание уделено фольклору.

Поднятая в рецензируемой работе тема исчерпана не до конца. Некоторые разделы более удачны (семья), другие — слабее (общественный быт). Но в целом книга интересна освещением своеобразной жизни и быта совсем еще не изученной группы рабочего класса, а также разработкой вопросов, которым этнографы не уделяли до сих пор достаточного внимания. Опыт петрозаводских этнографов может быть использован для изучения не только рабочих лесорубов, но и рабочих других отраслей промышленности.

Н. Юхнева

Ш. Х. Салакая, *Абхазский народный героический эпос*, Тбилиси, 1966, 184 стр.

Общезвестна огромная роль устного поэтического творчества в духовной жизни любого народа. Но особенно сильна она в жизни тех народов, которые до недавнего прошлого не имели своей письменности и литературы. К числу таких народов относятся абхазы. Их устная поэзия была, пожалуй, наиболее яркой формой прославления творческого художественного мышления, таланта народа. В песнях и преданиях, в сказках и легендах, в монументальных эпических памятниках и кратких афористических жанрах народ ярко и образно выражал свое отношение к явлениям окружающей действительности, воплощал свои идеалы красоты, героизма, вдохновенно воспевал мужество, благородство народных заступников, гневно бичевал трусов и предателей.

Национальный фольклор сыграл исключительную роль в становлении и развитии абхазской художественной литературы.

В абхазском народно-поэтическом творчестве ведущее место занимают произведения героического содержания. Явление это, по-видимому, не случайное: вся многовековая история абхазского народа представляет собой непрерывную борьбу с враждебными силами, будь то силы природы (особенно на ранних этапах общественного развития) или же общественные силы — иноземные захватчики и внутренние классовые

враги. Естественно, что это не могло не наложить отпечаток на характер всего поэтического творчества народа. Этим и объясняется выдвигание на первый план героической темы, культа героя и героизма вообще. Абхазскому фольклору, безусловно, не чужда и лирика: народ создал многочисленные семейно-бытовые, любовные, колыбельные и многие другие песни и стихи, среди которых имеются уникальные образцы художественного творчества. Однако следует признать, что лирическая струя в эпосе абхазов выглядит более слабой, отодвинутой на второй план.

Изучение богатого абхазского фольклора представляет исключительный интерес. К сожалению, до сих пор ни один жанр абхазского фольклора не подвергался монографическому исследованию, и отрадно отметить, что рецензируемый труд Ш. Х. Салакая (редактор Е. Б. Вирсаладзе) в определенной степени восполняет этот пробел.

Свою первую монографию автор посвятил ведущим жанрам родного фольклора: древнему эпосу о нартах, об Абрскиле, поздним историко-героическим песням и сказаниям.

Книга открывается главой, посвященной собиранию, публикации и изучению абхазского народно-поэтического творчества. В истории собирания и изучения абхазского фольклора Ш. Х. Салакая выделяет два основных периода — дореволюционный и советский. Указав на важную роль дореволюционных собирателей и исследователей народно-поэтического творчества (С. Званба, А. Иоакимова, В. Гарцкая, П. Чарая, Н. Джанашиа, А. Миллера, Н. Марра, Д. Гулиа и др.), автор отмечает отсутствие планомерности, систематичности в их работе. В этой же главе подробно рассказывается о достижениях в этой области советских ученых.

Вторая глава — «Древние эпические сказания» (стр. 34—123) посвящена классификации древнейших эпических памятников абхазов, выявлению в них специфически национальных черт. Характеризуя основные сюжеты, мотивы и образы нартического эпоса абхазов, автор сопоставляет их с аналогичными образами и сюжетами адыгейцев, кабардинцев, черкесов и осетин. При исследовании того или иного фольклорного памятника Ш. Х. Салакая опирается как на опубликованные и архивные материалы, так и на варианты, записанные им во время многочисленных экспедиций по районам Абхазии, начиная с 1956 г. Многие тексты впервые вводятся им в научный оборот.

Ш. Х. Салакая глубоко анализирует основные образы абхазского нартического эпоса, прежде всего образ богатырской женщины, матери ста нартов-братьев — Сатаней-Гуаши. Согласно абхазскому эпосу, Сатаней-Гуаши во всех отношениях идеальная женщина. Ее права безграничны, она бессмертна, у нее нет ни отца, ни мужа.

Эта «подчеркнутая идеализация роли женщины в хозяйственном и духовном быте», — пишет автор, — отсутствие в первоначальном ядре циклов Сатаней-Гуаши и Сасрыквы каких-либо прочных брачных союзов, вхождение древнейших героев эпоса в семейство нартов по матрилокальному признаку и многие другие исконные мотивы эпоса могли быть порождением только лишь матриархальных общественных отношений» (стр. 41).

Глубокой архаичностью характеризуется образ главного героя нартического эпоса абхазов — Сасрыквы. Его жизнь полна подвигов, совершаемых на благо людей. На ранних стадиях развития эпоса протипниками героя выступают различные чудовища — агульшъап (дракон), адау, адаумжъха (великан, семиголовый великан) и др. Из всех богатырских деяний нарта Сасрыквы основным является похищение огня у великана. Однако классический культурный подвиг — похищение огня — в нартическом эпосе абхазов не связывается с богоборческими мотивами, а «хронологически предшествует богоборчеству героев Прометеевой плеяды» (стр. 50).

В труде Ш. Х. Салакая подвергаются научному анализу и другие образы абхазского нартического эпоса, как, например, Кятуан — пастух нартических коз, Кун — пастух овец, Нарджхеу (или Зартыж) — пастух крупного рогатого скота и др.

Глубокий анализ основных сюжетов и образов приводит автора к некоторым важным выводам о происхождении абхазского эпоса. Надо сказать, что этой проблеме Ш. Х. Салакая уделяет большое внимание в своей работе. Он считает, что «первоначальное ядро данного эпоса, более архаические и центральные образы его, отражают эпоху первобытнообщинного строя в различных стадиях его развития, а именно, матриархат, патриархат, разложение первобытной общины и переход к классовому обществу» (стр. 40—41). По мнению автора, это, конечно, не означает, «что нартический эпос великом сложился и окончательно оформился в такую отдаленную эпоху. Но зарождение первоначального ядра, зародыша эпоса должно восходить... именно к этой эпохе» (стр. 66).

Касаясь вопроса о том, где, когда и в какой этнической среде зародился данный эпос, автор выступает против тех ученых, которые связывают его возникновение с эпохой аланской военной демократии. Он убедительно доказывает, что «зарождение первоначального ядра эпоса происходило в среде аборигенного населения Кавказа, причем население это, видимо, состояло из близкородственных племен, занимавших обширную территорию, простиравшуюся от центральных районов Северного Кавказа до территории современной Абхазии. Такими племенами могли быть, по-видимому, предки совре-

менных абхазо-адыгских народов (абхазов, абазин, убыхов, адыгейцев, черкесов, кабардинцев) и отчасти осетинского народа» (стр. 66—67).

Как справедливо замечает Ш. Х. Салакая, в картоведении в целом до сих пор имеется целый ряд нерешенных проблем, связанных с генезисом эпоса. В этом отношении важное значение имеет этимологии нартских терминов, особенно термина «нарт» и многих собственных имен. Термин «нарт» автор возводит к эпохе наирского (впоследствии урартского) могущества и видит в этом термине выражение этого этногеографического понятия с некоторыми фонетическими изменениями в корне слова: наири — нар — нарт (см. стр. 74). Нелишенная основания, оригинальная интерпретация Ш. Х. Салакая термина «нарт» заслуживает дальнейшего изучения. На наш взгляд, приведенные им аргументы недостаточны для окончательного решения вопроса.

В рецензируемом труде специальный раздел посвящен абхазскому эпосу об Абрскиле — герое-богоборце. На основе изучения всех опубликованных и неопубликованных вариантов эпоса об Абрскиле Ш. Х. Салакая правильно, на наш взгляд, трактует этот образ народного героя. В первоначальной основе героического сказания о нем отражен период перехода от матриархата к патриархату, борьба, связанная с этим великим социальным переворотом в жизни первобытнообщинного строя, с утверждением мужского приоритета в бытовой и общественной жизни (стр. 114). Сказание об Абрскиле, «как бы продолжает нартский эпос, являясь его заключительным этапом» (стр. 114).

Последняя, третья, глава труда (стр. 124—183) посвящена историко-героической словесности абхазов. В ней автор подробно рассматривает широко распространенное и поныне народное сказание об «апсха» — абхазском владетеле (или царе). Однако отнесение основы этого сказания к эпохе греческой колонизации (с VI в. до н. э.) нам кажется неубедительным. Автор полемизирует по этому вопросу с Ш. Д. Инал-Ипа, который образ апсха связывает с именем первого абхазского царя Леона II (см. стр. 129). Здесь нет возможности подробно остановиться на содержании сказания об апсха. Оно достаточно полно изложено в рецензируемой работе (см. стр. 127—128). Это сказание, на наш взгляд, могло возникнуть и после царствования Леона II, после образования Абхазского царства (около 797 года), отразив как воспоминание прошлого и эпоху греческой колонизации, и эпоху объединенного Абхазского царства.

Далее в работе исследуются циклы историко-героических песен и сказаний эпохи позднего феодализма: 1) памятники, повествующие о борьбе с иноземными захватчиками; 2) песни и рассказы о борьбе абхазского народа за социальную справедливость и 3) махаджирский фольклор — печальные песни-плачи и грустные рассказы о тягчайшей трагедии в истории абхазского народа — насильственном изгнании абхазов во второй половине XIX в. на чужбину в Турцию.

Значительный интерес представляют также страницы, посвященные изучению поэтики. Автор подробно освещает вопросы композиции, художественных приемов и стиля произведений абхазского эпоса.

Таково в самых общих чертах первое монографическое исследование народного героического эпоса абхазов. Знакомство с работой Ш. Х. Салакая «Абхазский народный героический эпос» может быть полезным не только для специалистов-абхазоведов, но и для исследователей эпоса других народов.

С. Зухба

И. М. Линдер. *Шахматы на Руси*. М., 1964, 162 стр.

В последние десятилетия все более четко выступает тенденция комплексного изучения исторических явлений. Сторонником такого изучения является и автор рецензируемой книги. О «тысячелетней истории шахмат на Руси» он пишет: «Изучение ее показывает, как древняя восточная игра в процессе многовекового развития превратилась в одну из ветвей национальной культуры, тесно связанную со многими другими областями деятельности и культуры — ремеслом, прикладным искусством, литературой, народным эпосом, просвещением и т. д. Вместе с тем становится ясной взаимосвязь шахматно-исторического исследования со многими областями науки — историей, археологией, этнографией, языковедением и литературой» (стр. 157—158).

Автор привлекает архивные и музейные материалы из ряда городов, новые данные археологических раскопок, письменные источники, а также фольклорные произведения (особенно былины и пословицы)

И. М. Линдер подвергает изучению историю шахмат в различных аспектах: их терминологию, причем вскрывает своеобразие названия одной из фигур — «ладья», известного только у восточных славян; способы игры; типы фигур, из которых отдельные «отображали различные рода древнерусского войска» (стр. 155) (пешее войско —